

ЗНАЧЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА В СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО ОБЩЕСТВА

Синанов Б.А.

ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания (362040, г. Владикавказ, пр. Мира, 10.) e-mail: boris-sinanov@yandex.ru

Статья посвящена значению религиозного фактора в этнополитической жизни северокавказского общества на современном этапе. В процессе научных изысканий использовались современные социологические, политологические и культурологические исследования, посвященные конфессиональной проблематике. Современный Северный Кавказ – полиэтничный и поликонфессиональный регион, в котором на относительно небольшой территории исторически сосуществуют наиболее многочисленные мировые религии: христианство и ислам. Общероссийские процессы возрождения духовной жизни отчетливо проявились и на Северном Кавказе, где традиционно наблюдается высокий уровень религиозности населения. В продолжение последних десятилетий на Северном Кавказе возрождение религиозной жизни выразилось не только и не столько в увеличении количества, ежегодно регистрируемых религиозных организаций, но, в первую очередь, в усилении влияния религиозных институтов на жизнь общества. Представленные в регионе конфессии за короткий промежуток времени во многом вернули себе прежние позиции, утраченные в годы советской власти. В большей степени этот вывод справедлив для исламского сообщества, где религия выступает регулятором общественно-политической жизни, а некоторые формы ислама становятся идеологической базой социальных протестов. Геополитическое положение региона, близость государственной границы, постоянная террористическая угроза, общественно-политические и социально-экономические кризисы, являются главными факторами усиления межнациональной и межрелигиозной напряженности. В таких обстоятельствах актуализируется формирование и развития условий, способствующих взаимному уважению и мирному сосуществованию людей, придерживающихся разных убеждений и религий.

Ключевые слова: религиозный фактор, религиозное возрождение, Северный Кавказ, христианство, ислам, неоязычество.

THE VALUE OF THE RELIGIOUS FACTOR IN MODERN ETHNO-POLITICAL LIFE OF THE NORTH CAUCASIAN SOCIETY

Sinanov B.A.

"The North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies of V. I. Abayev of VNTS Russian Academy of Sciences and Government of North Ossetia-Alania", Vladikavkaz, Russia (362040 Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Prospect Mira, 10), e-mail: boris-sinanov@yandex.ru

The article is devoted to the value of the religious factor in the ethno-political life of the contemporary north Caucasian society. A lot of modern societal, political and culturology investigations were carried on and most of them are dedicated to the confessional problematic. Nowadays the North Caucasus is a multiethnic and multireligious region where from early ages Christianity and Islam coexist on a little territory. All-Russian processes revival of spiritual life clearly manifested in the North Caucasus, where traditionally the population has a high religious level. During the latest decades the religious renaissance in the North Caucasus was noticed not only in annual increasing number of religious comities, but primarily, the strengthening influence of the religious institutes. The said confessions have restored their positions in this region which were destroyed during the Soviet period. This conclusion is quite proper to the Islamic society were the religion is the leading authority in a social and political life of people and some shapes of Islam are becoming the ideological foundation for a social rebellion. The geopolitical position of the region, adjacent borders, the permanent terroristic menace, social, political and economic crisis are the main factors that can be called the reasons of the international and interreligious tension. All the above-mentioned conditions demand especial regard which can help different people with different views and religions to coexist together in peace.

Keywords: the religious factor, the religious renaissance, North Caucasus, Christianity, Islam, neopaganism.

В современной России научный и общественный интерес к религиозной проблематике стимулируется неоднозначными процессами, которые происходят в развитии

государственно-конфессиональных отношений, в межрелигиозном взаимодействии, во взаимодействии общества и религии. Все это многообразие часто разнонаправленных процессов и тенденций формирует религиозную ситуацию, как в отдельных регионах, так и в стране в целом. Современный Северный Кавказ – полиэтнический и поликонфессиональный регион, в котором на относительно небольшой территории исторически сосуществуют наиболее многочисленные мировые религии: христианство и ислам. Общероссийские процессы возрождения духовной жизни отчетливо проявились и на Северном Кавказе, где традиционно наблюдается высокий уровень религиозности населения. Но, помимо количественного роста, ежегодно регистрируемых религиозных организаций, православных христиан, мусульман суннитского толка и различных протестантских деноминаций, в некоторых субъектах региона под видом возрождения дохристианских верований в последние годы идет процесс институционализация неоязыческих культов (РСО-Алания). Кроме того, геополитическое положение региона, близость государственной границы, постоянная террористическая угроза, общественно-политические и социально-экономические кризисы, являются главными факторами усиления межнациональной и межконфессиональной напряженности. В таких обстоятельствах актуализируется формирование и развития условий, способствующих взаимному уважению и мирному сосуществованию людей, придерживающихся разных убеждений и религий. Таким образом, представляется актуальным научное обоснование происходящих в поликонфессиональном регионе процессов социокультурной модернизации, в условиях общественно-политической нестабильности и значительного внешнего влияния.

Используя современные социологические, политологические и культурологические исследования, посвященные конфессиональной проблематике на Северном Кавказе, а также наблюдая развитие религиозной ситуации в регионе, мы попытаемся изучить значение религиозного фактора в этнополитической жизни северокавказского общества на современном этапе.

И христианство, и ислам проникают на Северный Кавказ практически сразу после своего зарождения. Первая встреча алан Северного Кавказа с христианством связана с посещением этой страны св. апостолом Андреем Первозванным I в н.э. О раннем знакомстве алан с христианством говорит также рассказ из «Мученичества Воскеянов» и «Мученичества Сукиасянов» о мученической смерти крещенных алан от руки их соотечественников (V в.). Массовое распространение христианства в Алании приходится на начало X в. [1, с. 46-47]. На сегодняшний день православное христианство исповедуют русские, украинцы, белорусы (Краснодарский и Ставропольский края, русское население национальных республик), большинство осетин (Республика Северная Осетия-Алания), а также грузинская и греческая

диаспоры. К Армянской апостольской церкви принадлежит большинство представителей армянской диаспоры, проживающей практически во всех субъектах Северного Кавказа.

В свою очередь появление ислама на Северном Кавказе связано с арабским завоеванием Дагестана в VIII в. С установлением политического господства Золотой Орды, особенно при хане Узбеке в первой половине XIV в., начинается более активная исламизация Северного Кавказа. В наши дни ислам суннитского толка является практически абсолютной религиозной доминантой в Дагестане, Чеченской Республике и Ингушетии. Его исповедует большинство населения Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии и Республики Адыгея.

Иудаизм на Северном Кавказе представлен горскими евреями, проживающими на востоке региона, по меньшей мере, уже полторы тысячи лет, а также европейскими евреями, переселившимися сюда в основном в XIX в.

Протестантские направления христианства также имеют на Кавказе свои корни. Исторически одним из центров русского баптизма считается Владикавказ, где получили распространение и другие протестантские течения. Первоначально средой распространения баптизма стали сектантские общины молокан и субботников, но вскоре проповедью новой конфессии были охвачены осетинские селения и казачьи станицы Владикавказского округа и Сунженского отдела Терской области. В наши дни этнический состав приверженцев различных протестантских деноминаций меняется в пользу уменьшения доли русских и увеличения осетин [10, с. 86]. В Северной Осетии особую активность проявляют неопротестантские группы и в первую очередь Свидетели Иеговы.

Характеризуя религиозную картину на Северном Кавказе конца XIX в., известный философ и политолог Артур Аркадиевич Цуциев подчеркивает, что «этническая композиция региона составляется не только из лингвистических или территориальных категорий, но в не меньшей степени из конфессиональных групп, границы которых не совпадают с лингвистическими (племенными). Религиозные идентичности зачастую преобладают над племенными и, являясь более «политически» звучными, нередко оказывают и более серьезное влияние на динамику политических процессов в регионе» [13, с. 41]. Современные события показывают, что семьдесят лет антирелигиозной пропаганды несколько не повлияли на значение религиозной идентичности в общественно-политической жизни большинства субъектов Северного Кавказа.

Важно отметить, что всплеск религиозного ренессанса, начало которому было положено в 1989–1990-е гг., охватил практически все конфессии, представленные на юге России. В некоторых регионах Северного Кавказа, в частности в Дагестане, были созданы и действовали *мусульманские* благотворительные, просветительские, общественно-политические организации, часть которых активно ставила вопрос о замене светского

законодательства шариатским. В этом их активно поддерживали действовавшие до конца 1999 г. филиалы таких исламских организаций, как Международная исламская организация «Спасение» (МИОС), «Биневоленс Интернешнл Фаундейшн» (БИФ), «Джамаат Ихья Ат-Турас Аль-Ислами», «Аль-Хайрия», «Аль-Харамейн», «Катар» и др., финансируемых и направляемых Саудовской Аравией, Пакистаном, Кувейтом. Причем острую нехватку профессионально подготовленных мусульманских преподавателей решали в странах Арабского Востока, откуда «ученики» возвращались адептами радикальных течений ислама [3, с. 107].

Уже к началу 1997 г. в Дагестане действовало более полутора тысяч мечетей, три исламских университета и 6 институтов, 80 средних медресе и сотни мектебов – начальных медресе. Духовное управление мусульман (ДУМ) Дагестана и его подразделения, ведущие исламские партии, разного рода благотворительные фонды и ваххабитские структуры суммарно издавали более десяти газет на мусульманскую тематику [11, с. 236].

Возрождение ислама в Чеченской Республике по своей интенсивности мало чем уступало дагестанскому. За короткий период времени были открыты десятки новых общин и возведены первые капитальные мечети, в крупнейших населенных пунктах начали работу средние и начальные медресе. Значительная часть средств на это изыскивалась самими чеченцами, однако важную роль сыграла и помощь их зарубежных единоверцев, а также Русской Православной Церкви (РПЦ), выделявшей молодым чеченским общинам гуманитарную помощь и автотранспорт [11, с. 246].

С 1991 г. мусульмане Чечни получили возможность выезжать на хадж и обучаться в арабских и турецких вузах. В это же время в республику приехали первые арабские миссионеры, стремившиеся приобщить чеченцев к «истинному» исламу. Приход к власти в том же году националистического криминального режима Д. Дудаева и первая чеченская военная кампания 1994–1996 гг. дали новый характер развитию ислама в его самых радикальных формах. После подписания Хасавюртовских соглашений о прекращении боевых действий в августе 1996 г. в республике начался бурный процесс формирования исламского государства. Уже через два месяца местный парламент объявляет ислам государственной религией Чечни. В 1997 г. были расформированы светские суды, их заменили шариатские. В Грозном открылся Исламский молодежный центр, который стал организационным оплотом и резервом экстремистов. Ключевые позиции в Чечне заняли полевые командиры, называвшие себя сторонниками «истинного ислама», часть из них вошла в правительство. В чеченской армии появились исламские воинские формирования. В рамках национальной гвардии была образована «исламская гвардия», были сформированы

два полка «исламской безопасности». Был образован Верховный шариатский суд, который сразу поставил себя над чеченским парламентом.

Вторая чеченская военная кампания 1999–2000 гг. (официально режим КТО на территории Чечни был отменен в 2009 г.), именуемая также контртеррористической операцией, прошла под девизом борьбы с ваххабизмом, который и был запрещен одним из первых указов нового лидера Чечни бывшего муфтия А. Кадырова. Однако объявленные вне закона приверженцы «чистого ислама» не торопились признавать свое поражение и покидать республику. Создав организованное подполье, они до последнего времени продолжают террористические атаки на представителей силовых структур, чиновников чеченского правительства и традиционных имамов. Их жертвами становятся сотни мирных жителей.

На сегодняшний день Дагестан и Чечня являются самыми исламизированными регионами на Северном Кавказе (известный религиовед, доктор исторических наук Р.А. Силантьев к самым мусульманским регионам, не только на Северном Кавказе, но и вообще в России, относит Республику Ингушетия, «население которой действительно в массовом порядке соблюдает нормы шариата и пользуется при этом полной поддержкой власти» [11, с. 262]). По состоянию на 2004 г. в Дагестане зарегистрировано 612 мусульманских организаций (96,5% от числа всех зарегистрированных, 2 место по стране), однако реальное число мусульманских общин здесь как минимум в три раза больше. Ислам прочно вошел в жизнь дагестанского общества. Особенно заметным процесс исламизации стал в горных селах, где нередко самым уважаемым и влиятельным человеком считался не глава местного самоуправления, а имам или духовный авторитет [11, с. 242, 236].

Что касается Чеченской Республики, то, по мнению экспертов, несмотря на то что здесь зарегистрировано только 38 мусульманских организаций (98% от числа всех зарегистрированных), реальное число мусульманских общин по меньшей мере в 10 раз больше. Мусульманское общество Чечни отличается высокой религиозностью. Практически в каждом населенном пункте открыта мечеть, которая часто является центром не только религиозной, но и общественной жизни. Имамы, как правило, пользуются высоким авторитетом и открыто участвуют в политической жизни, призывая своих прихожан принимать активное участие в выборах и поддерживать законные власти республики [11, с. 256].

Из остальных регионов Северного Кавказа наибольшее количество зарегистрированных мусульманских общин в Республике Кабардино-Балкария – 105, Карачаево-Черкесской Республике – 103, далее следуют Республика Адыгея – 17, Республика Ингушетия – 15, Республика Северная Осетия – Алания – 14, Краснодарский край – 10, Ставропольский край – 7 [11, с. 290, 277, 305, 262, 270, 295, 282].

Особую роль в регионе занимает исламское образование. Религиозные объединения и их лидеры ведут интенсивную просветительскую и социальную деятельность. В Дагестане существует 298 исламских образовательных учреждений из них: 15 вузов (в т.ч. 2 – не действующих), 82 медресе (в т.ч. 2 – не действующих), 201 примечательная школа, в Чечне действуют 2 вуза и 19 медресе [5, с. 91, 82, 55]. В Кабардино-Балкарии создан Северо-Кавказский Исламский университет, а в Ингушетии с 1994 г. ведет активную образовательную деятельность Исламский институт, который только за десять лет (с 2000 по 2009 гг.) подготовил 308 человек служителей и религиозного персонала исламского вероисповедания [14, с. 153].

Как уже отмечалось выше, религиозное возрождение на Северном Кавказе охватило не только ислам, но и *православие*. В регионе также отмечается устойчивый рост количества храмов и монастырей. Так, число последних в республиках и краях Северного Кавказа составляет 15, из них 6 мужских обителей и 9 женских [5, с. 26; 7]. Возрождаются не только те монастыри, которые существовали до революции 1917 г., но и учреждаются новые, в том числе в субъектах РФ, с преобладающим мусульманским населением. В этой связи стоит отметить Ново-Синайский мужской монастырь, который был открыт в марте 2014 года в станице Орджоникидзевская (Слепцовская) Сунженского района Республики Ингушетия [2].

Увеличение количества храмов и монастырей стало одной из причин изменений в епархиальном делении региона, в том числе, выделение 22 марта 2011 г. самостоятельной Владикавказской и Аланской епархии [8] в историческом очаге христианства на Кавказе – Северной Осетии.

Духовно-просветительская деятельность РПЦ в северокавказском регионе также красноречиво свидетельствует об активизации религиозной жизни и возрастающим интересе последователей православия к изучению своей конфессии. По состоянию на 2014 г. на Северном Кавказе действуют две семинарии – в Краснодаре и Ставрополе, Армавирский православно-социальный институт, одно духовное училище во Владикавказе, одна регентская школа в Ставрополе, 11 гимназий и общеобразовательных православных школ, кроме того в Институте дружбы народов Кавказа в Ставрополе существует факультет теологии, а в Северо-Кавказском федеральном университете – кафедра социологии и теологии. Оба вышеуказанных вуза активно сотрудничают, как с православным духовенством, так и с представителями исламской общины.

Православное образование на Северном Кавказе имеет миссионерский характер. Примером этому может служить открытое в 2010 г. во Владикавказе православное духовное училище, являющееся одним из самых молодых учебных заведений РПЦ. По решению Священного Синода училище призвано готовить «церковно- и священнослужителей из числа

осетин для дальнейшего служения в осетиноязычных приходах» [9]. Оно дает возможность своим студентам постигать богословские и иные дисциплины в преломлении к особенностям национальной духовной культуры и языковой среде. В июне 2014 г. состоялся первый выпуск студентов духовного училища, из 20 человек, числившихся на последнем курсе, дипломы об окончании полного курса получили 16 выпускников, из которых 7 уже имеют высшее светское образование. Двое выпускников уже приняли священный сан и сегодня несут служение в храмах Владикавказа [6].

Своеобразной приметой времени современной религиозной ситуации в России является появление различных *неоязыческих культов*. Данный феномен проявился и на Северном Кавказе. Руководствуясь благородными целями спасения национальной культуры, традиции и языка, наблюдается попытка создания «общенациональной религии», искусственно конструируемой городской интеллигенцией из фрагментов древних дохристианских локальных верований и обрядов, с целью «возрождения национальной духовности». Идеологическими вдохновителями новых религиозных взглядов снимаются телевизионные передачи, создаются интернет-сайты, печатаются монографии, «где обосновывается необходимость возвращения к «исконной религии», при этом все беды современности объясняются отходом от нее» [10, с. 88]. Однако при наличии общих целей лидеры неоязычества не единодушны в своих религиозных взглядах и «догматах» новой веры. Единственное что их объединяет, это крайне негативное отношение к представителям традиционных религий – православию и исламу.

Большинство экспертов единодушно констатируют тенденцию к все большему усилению роли религии в жизни общества, при чем «молодые люди в мусульманских республиках более религиозны чем старшее поколение, посещаемость мечетей растет» [10, с. 31]. Специалисты обеспокоены процессами, происходящими в настоящее время в мусульманской религиозной среде Северного Кавказа, а именно, возрастанием религиозного экстремизма. В первую очередь это касается северо-восточного сегмента Кавказского геополитического массива. «Практически все конфликты в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО) носят этнополитическую окраску. Однако, признавая значимость межэтнических и этноконфессиональных отношений в системе национальной безопасности СКФО, нельзя рассматривать их отдельно от других факторов, и, прежде всего, геополитического. Сегодня Россия испытывает давление со стороны ряда исламских государств, в которых набирают силу политические организации, стоящие на позициях пантюркизма и панисламизма – Турция, Сирия, Объединенные Арабские Эмираты, Иран» [5, с. 14].

Противопоставить как внешнему, так и внутреннему влиянию сторонников радикальных религиозных взглядов, возможно, прежде всего, грамотной постановкой религиозного образования. В условиях северокавказского общества, где религия, как мы выяснили, играла и играет значительную роль в социально-политических процессах, на сегодняшний день уровень знаний верующими основных религиозных текстов, истории и догматов своей конфессии остается на крайне низком уровне. Социологические исследования показывают, что, несмотря на относительно высокую религиозность населения Чеченской Республики (основные религиозные обряды здесь соблюдает 71,4% чеченцев), «никогда не читали» Коран 34,6% чеченцев, каждый третий респондент из числа кабардинцев, балкарцев КБР также не знаком с Кораном. Сравнительно высок этот процент у ингушей (22,5%), учитывая, что в Республике Ингушетия каждый второй респондент соблюдает основные религиозные обряды. Также высок процент респондентов, не читающих священные книги, в Республике Дагестан: никогда не читали Библию (Коран) 26,7% представителей народов Дагестана и 22,1% русских и русскоязычных. В других республиках процент респондентов, не знакомых со Священным Писанием, распределен следующим образом: РСО-А (24,3% осетин, 18,6% русских и русскоязычных), Республика Адыгея (23,8% адыгейцев, 23% русских и русскоязычных), КЧР (17,6% карачаевцев и черкесов, 22,1% русских и русскоязычных). Что же касается процента верующих, «регулярно читающих» Священные Писания, то он во всех перечисленных республиках крайне низок и лишь в Ингушетии и Чечне достигает 12,6% и 11,5% соответственно [4, с. 32-34].

Не вызывает сомнений тот факт, что, при всевозрастающей роли религиозного фактора в общественно-политической сфере жизни северокавказского социума, повышение интеллектуального уровня последователей традиционных для России конфессий становится актуальнейшей задачей, от правильности решения которой зависит межэтническая и межконфессиональная стабильность в регионе [12, с. 170].

Положительные и отрицательные стороны религиозного возрождения очевидны, как очевидна и перспектива усиления значения религиозного фактора в жизни народов Северного Кавказа. Негативные аспекты, в перспективе, возможно нейтрализовать использовав миротворческий потенциал традиционных для России конфессий, а также накопленный положительный опыт межрелигиозного диалога. По нашему мнению, первостепенное значение должно быть отведено вопросам взаимодействия религии и образования, при этом, обязательным видится изучение не только собственной религиозной традиции, но и основ вероучения других конфессий, представленных в регионе.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что в продолжение последних десятилетий на Северном Кавказе возрождение религиозной жизни выразилось не только и не столько в

увеличении количества, ежегодно регистрируемых религиозных организаций, но, в первую очередь, в усилении влияния религиозных институтов на жизнь общества. Представленные в регионе конфессии за короткий промежуток времени во многом вернули себе прежние позиции, утраченные в годы советской власти. В большей степени этот вывод справедлив для исламского сообщества, где религия выступает регулятором общественно-политической жизни, а некоторые формы ислама становятся идеологической базой социальных протестов. Однако и православие, сталкиваясь с целым рядом трудностей, связанных в том числе и с оттоком этнически православного населения из республик Северного Кавказа, выступает мощной силой, способной влиять на обстановку в регионе.

Список литературы

1. Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В. Нижний Архыз и Сенты – древнейшие храмы России: проблемы христианского искусства Алании и Северо-Западного Кавказа. – М.: Индрик, 2011. – 392 с.
2. Гора Господня. Официальный сайт Махачкалинской епархии [электронный ресурс] URL: <http://goragospodnya.ru/novosti/item/1888-v-ingushetii-sozdan-pravoslavnyj-muzhskoj-monastyr> (дата обращения 11.09.2014).
3. Дзайнукова М.И. К вопросу о конфессиональной ситуации на Северном Кавказе в конце XX – начале XXI вв. // Кавказ спустя 20 лет: геополитика и проблемы безопасности: тр. междунар. науч. конф. (Владикавказ – Цхинвал, 20–30 июня 2011 г.) / Отв. ред. З.В. Канукова, А.Б. Крылов, А.Г. Кусраев. – Владикавказ: ЮМИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2011. – С. 106-115.
4. Дзуцев Х.В. Религиозные и межнациональные установки населения республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации: этносоциологический анализ: монография: в 5-ти кн. – М.: ИСПИ РАН, 2010. Кн. 4. – 283 с.
5. Межэтнические и межконфессиональные отношения в Северо-Кавказском федеральном округе. Экспертный доклад / Под. ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. – М.: ИЭА РАН; Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2013. – 98 с.
6. Православная Осетия. Официальный сайт Владикавказской епархии: [электронный ресурс] URL: <http://www.blagos.ru/home-1/item/2324-vo-vladikavkazskom-pravoslavnom-duhovnom-uchilishhe-sostoyalsya-pervyj-vypusk-studentov> (дата обращения 11.09.2014).
7. Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата: [электронный ресурс] URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/31118.html> (дата обращения: 11.09.2014).

8. Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата: [электронный ресурс] URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1435275.html> (дата обращения 11.09.2014).
9. Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата: [электронный ресурс] URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1292007.html> (дата обращения 11.09.2014).
10. Северный Кавказ: Взгляд изнутри. Вызовы и проблемы социально-политического развития / Под ред. А.Г. Матвеевой, А.Ю. Скакова и И.С. Савина. – М: Институт востоковедения РАН. 2012. – 172 с.
11. Силантьев Р.А. Новейшая история исламского сообщества России (1989–2004). – 2-е изд., исправл. и доп. – М.: «ИХТИОС», 2006. – 632 с.
12. Синанов Б.А. Духовное образование в поликонфессиональном Северо-Кавказском регионе: история и перспективы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. - № 5 (19). Часть II. – С. 168-171.
13. Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). – М.: Европа, 2007. – 128 с.
14. Чабаева Т.С. Религиозная ситуация в современной Ингушетии // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 г. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под. ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. – М.: ИЭА РАН, 2011. – 513 с.

Рецензенты:

Айларова С.А., д.и.н., профессор, заместитель директора по науке ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ;

Туаева Б.В., д.и.н., заведующая отделом социально-политических исследований ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ.